

В тот год запустили первый искусственный спутник,
В тот год я впервые
Поехал к Чёрному морю.
Это был я, кареглазый десятилетний путник,
Ещё не привыкший
К огромному человеческому горю.

Это был я, разглядывающий живую Вселенную
Из деревни Спиченково,
От порога дедова дома.
Я чувствовал в себе душу всерадостно неизменную
И вслушивался
В предродовую дрожь космодрома.

Это был я, стоящий на краю Журавлинского обрыва
Десятилетний-семнадцатилетний-
Сорокалетний пацан,
Крылья воображения примеривающий неторопливо,
Через Саянский хребет
Разглядывающий Иволгинский дацан.

Это был я – а я и не знал, и не догадывался об этом,
Десятилетний – что мог знать
О себе – мальчуган?
Я ещё не понимал, зачем после Пушкина быть поэтом,
Я ещё не начал собирать стихи
По атомам, капелькам и слогам.

Это был я, а кто я такой? – никто мне не мог ответить.
Ведь за небесный вопрос –
Молния отвечает насквозь!
Над жертвенником химкомбината замерло облако-лебедь,
И драконы-дымы взлетали
И визжали бессильно: небось!

Это был я, космический зэк-отрок или пасынок Божий? –
И на того, и на другого
Я иногда бывал похож – не похож.
Я бежал по Земле, как тринадцатилетний беглец-прохожий,
И не мог унять в сердце
Долгожданную дрожь.

Это был я, когда из Космоса улыбнулся Юрий Гагарин.
А это случилось всего лишь

Сердцебиенье тому назад.
Кто я был? – рыжий афрофранцуз или русский татарин,
Но я узнал брата,
Я в ответ улыбался, и я был рад.

Это был я, выдохнувший своё первое стихотворенье,
Я его не помню –
Ни шестьдесят-сверкающий год, ни тот миг.
Но я чувствую и сейчас на языке малиновое зарево варенья
Сквозь стволы Стрибожьего бора
И страницы стреноженных книг.

Это был я, когда я впервые неотвратно влюбился
И свято верил, что это мой
Едино-единственный раз.
Тогда вся страна не могла поверить, что Комаров разбился –
И с надеждой смотрела в Космос
Миллионами глаз.

Это был я, я – гениально-неотвратно-заразный,
На сорок дней спелёнутый
В жёлтую кофту-дом.
Я был один и тот же – неизменный и такой щемяще-разный,
Зарабатывающий на хлеб
Неисправимо-птичьим трудом.

В тот год я ползал-закатывался в родимчике у порога,
Верещал, когда связывали пуповину.
Конечно, это был я.
Это был я, когда я услышал голос Отца-Бога
И Вселенная – враз –
Оказалась моя Семья.

Это был я, заглядевшийся с Журавлинского обрыва
На себя того,
Забравшегося туда, не зная куда.
И поджидающего себя блаженно и терпеливо
Рядом с Отцом,
Который Правее меня всегда.

Это был я, я всегда есть и непостижимо буду
В родной Вселенной
Семье умирать, изумляться и жить.
И я никого-никого, никогда-никогда не забуду,
Потому что блаженно
Всех узнавать и любить.